

Преступления киевского режима против лиц пожилого и старческого возраста

Москва, 2026 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты Российской Федерации М.С. Григорьев) создан в ходе Международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов.

В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в национальные правоохранительные органы и представление информации на российских и международных площадках.

Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксированы многочисленные военные преступления киевского режима против лиц пожилого и старческого возраста.

Расстрелы людей пожилого и старческого возраста со стороны Вооруженных сил Украины были постоянной практикой в зонах боевых действий на территориях под их контролем.

С. Ильина свидетельствует: «... была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное Курской области. Ей было 72 года. Она не представляла никакой для них угрозы».

В. Васильконова из г. Селидово рассказывает: «Кирилловна, учительница по украинскому была, она бежала, убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил. Рядом дом по улице, женщина котом кормила. 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили. 75 лет женщина кормила котом, зачем ты ее застрелил?»

75-летний В. Максин рассказывает: «Вечером 7 августа я получил пулевое ранение, через локоть насквозь прошло... Когда доехал до поворота на Курск, заметил, что впереди стоят четыре человека. С одной стороны – два, на другой стороне дороги – два с автоматами, в касках. И экипировка у них была украинская... открыли огонь. Когда начал истекать кровью, я решил вылезти с машины, уйти в откос туда, за дорогу спрятаться. Когда открыл дверь, загорелся в салоне свет и тут получил опять автоматную очередь».

Л. Врადий свидетельствует: «В 19-м доме (ул. Щорса) многих постреляли украинские военные... На третьем этаже застрелили Галю, а на пятом – Лену. Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Её застрелили украинцы».

75-летняя Г. Самборская из Курской области рассказывает обстоятельства своего ранения: «... стоит мужчина ВСУ в камуфляжной форме с автоматом. И вдруг он по первой машине дает очередь. В ней были наши друзья ... жену убили насмерть. Ей в грудь попали... У меня полностью бедро прострелено. А пуля была разрывная...»

Целый ряд свидетелей рассказывает о зверских случаях изнасилования женщин. 83-летний А. Богунов из Курской области рассказывает: «ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке...»

У одного дедушки приехали, прямо так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем. Ну, дедушка старенький, что мог к ним ответить?

Опять же, прямо из дома, у другого отца забирали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней делали».

В зонах боевых действий такого рода лица нередко становятся жертвами украинского снайперского огня.

Раненая украинским снайпером во время боевых действий на территории Мариуполя Л.Сысоева рассказывает: «Мы с мужем уже домой шли от техникума. И пошел снайпер стрелять по нам. Конкретно по нам стрелял украинский снайпер. Меня сразу обожгло, и рука онемела. Пальцы у меня до сих пор не работают. Пол-ладони нет».

Жертвами со стороны обстрелов ВСУ населенных пунктов как правило становились люди пожилого и старческого возраста. Н. Остапец из г. Дмитрова свидетельствует: «Минометом у нас соседа убило. Евженко Евгений Владимирович, ему 64 года было. 21 октября 2025 года. Летело оттуда, где украинцы находились... И минометом убило моего бывшего мужа, Грабин Михаил Иванович, ему 61 год был. В доме, он инвалид. Инсульт у него. И он передвигался очень-очень плохо. Мы ухаживали за ним. В дом залетел осколок от мины».

Л. Сукова из г. Дмитрова рассказывает: «Я говорю, Саша, зайди в летнюю кухню... Осколок прямо ему в сердце. Украинский обстрел... Решевский Александр Северьянович. Ему 72 года. Сын похоронен в огороде. Рядом две могилки».

Особенно часть ВСУ обстреливали или минировали места скопления местных жителей такие как колодцы, места выдачи гуманитарной помощи, а также дома мирных граждан.

Н. Козлов из с. Плехово Курской области рассказывает: «Ранение мы получили 7 декабря. Мы пошли по воду и подорвались, колодец был заминирован... Василию Ивановичу обе ноги и кости все поперебило... Я на коленях и на руках дополз, больше километра до дома».

С. Панова из г. Угледара свидетельствует: «Украинские власти говорили идите на Вектор для воды... тут бабулечки, все пенсионеры и молодежь. И туда ВСУ ударили. Жесть. Людям руки-ноги поотрывало. И голову. Много пострадавших. И сразу репортеры».

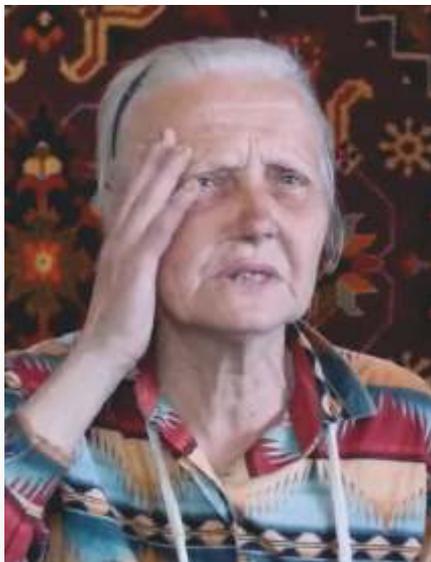
74-летняя А. Голодняк рассказывает: «... потом обстрел. Вместо тушенки получили взрыв. Мужчину насмерть Меня контузило. Квартиру полностью разнесло. Собачку убило».

В городах под контролем киевского режима нередко были прицельные сбросы или удары FPV-камикадзе по лицам пожилого и старческого возраста. 65-летний житель г. Курахово Н. Глуханич рассказывает: «Я выходил, высыпал мусор и по дороге хотел несколько еще дров в обломках дерева подобрать. И украинцы сбросили на меня дрон возле второго подъезда, где мусор в стороне, вот у нас за этим домом. Во мне пять осколков».

75-летний А. Вовк свидетельствует: «Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим... Зависает дрон, сбрасывает... Сюда еще один прилет был. Посекло тут всех. Просто чудо, что мы еще живы. Поранило осколками украинских дронов людей».

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в грубых нарушениях Женевских конвенций, которые являются военными преступлениями, не знающими срока давности.

1 Сысоева Людмила Александровна, место жительства на момент опроса – г. Мариуполь, ул. Строителей

«В апреле 2022 года мы с мужем уже домой шли от техникума. Ну сколько тут пройти от этого техникума. Одни мы шли. И пошел снайпер стрелять по нам. Конкретно по нам стрелял украинский снайпер. Меня сразу обожгло, и рука онемела. Пальцы у меня до сих пор не работают. Пол-ладони работает, пол-ладони нет. Я еще мужу говорю: «Эдик, меня, наверное, подстрелили». Он: «Аааа?» – и нагнулся. Если б он не нагнулся, его бы убило. Потому что он как раз ко мне нагнулся, а он в него стрельнул, вот и получилось, что ему располосовало спину. Прошло по касательной, располосовало полностью спину. Ну, мы легли, упали. Ошибка снайпера, я думаю, в том, что он думал, что нас убил. Потому что мы с ним лежим на земле, он говорит: «Люда, шо будем делать? Там дети». Я говорю: «Побежали». И мы немножко полежали и подымаемся, и бежать.

А он (снайпер), видно, уже отвлекся от нас. И когда он увидел, что мы бежим, он (снайпер) опять давай по нам стрелять. Мы спрятались за контейнеры. И вот перебежками, перебежками мы до домов добежали, а там кушать варили люди. И они, как мы прибежали, на нас смотрят и говорят: «Боже, вы целые. Мы думали, что вы не выживете, – говорят. – А там мужчина?» А мужчина, оказывается, еще за нами бежал, он уже не поднялся, его, наверное, убили.

Люди, которые готовили, говорят: «Сядьте, посидите». Вот, я села, у меня кровь с рукава течет, течет с руки кровь. У мужа вся спина в крови. Сразу перекрыли, чтобы остановить кровь, жгут наложили. Мужу наживую соседи зашивали леской спину, чтоб мясо собрать...»

2 Ильина Светлана Михайловна, пострадавшая от преступлений ВСУ из с. Черкасское Поречное (Курская область)

«Мую маму, лежащую в своем доме, первый обнаружил Штаненко Александр Николаевич. У неё были пулевые ранения. Она была в комнате, которая у нас называлась «зал», потому что это общее такое помещение было, где диван, кресла у нас стояли.

В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме полиции, он служил в полиции, и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. Эти два портрета у нее находились в этой комнате.

И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года. Она не представляла никакую для них угрозу. Я вообще не понимаю, зачем нужно было её убивать».

3 Голодняк Алина Петровна, 74 года, пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Угледара, ДНР

«Однажды в 2022 году был комендантский час и двое мужчин не зашли в подъезд. Я говорю, а чего вы не зашли и двери не закрыли? Они сказали, что тушенку нам пообещали. А потом обстрел. Вместо тушенки получили взрыв. Мужчину насмерть убило. Он зашел только в подъезд. Меня контузило. Это на Пасху было. Квартиру полностью разнесло. Меня, конечно, оглушило сильно всё это. Начали плакать женщины, её муж ещё там, от квартиры ничего не осталось, а мужчину убило сразу. Собачку там убило.

Обстреливают, потому что нас не любят, в сущности, в Украине. Сепарами называют. Мы в подвале уже здесь были, зашли два парня: шо вы тут сыдытэ? Чего мы тут за вас воевать должны сепары, ждуны? Мы им сказали, не пугайте, что вы автоматы наставили, здесь люди и больные».

4 Владимир Петрович Максин, 75 лет, житель города Суджа (Курская область)

«Вечером 7 августа я получил пулевое ранение, через локоть насквозь прошло. Я ехал в сторону Курска по объездной дороге. Переезжал через железную дорогу, налетел на меня украинский коптер. Я правда не знал, что это коптер. Слышу, что треск какой-то надо мной, остановился, потом решил погнать машину. Когда доехал до поворота на Курск, заметил, что впереди стоят четыре человека. С одной стороны – два, на другой стороне дороги – два с автоматами, в касках. И экипировка у них была украинская, не наших ребят, а синие ободки на касках, на рукавах синие. А чуть дальше, выше, пулеметная точка стояла.

Я повернул вправо, в сторону вокзала, думал проскочить. Ну, проскочить я не смог, открыли огонь. Я в обочину встал, лег на правое сиденье. Короче, я получил прострел с автомата.

Когда начал истекать кровью, я решил вылезти с машины, уйти в откос туда, за дорогу спрятаться. Когда открыл дверь, загорелся в салоне свет и тут получил опять автоматную очередь. Слышу по машине прошло, заднее стекло посыпалось. Украинцы стреляли на свет. Я лег возле передней дверки и притворился, что без движения. Минут сорок пролежал.

Коптер так и кружил, потом опустился низко, метра на четыре. Вот тогда меня ранило вот этой штукой. В грудь зашла. Она над ребрами прошла. Я еще пролежал там, пока не стемнело. А потом сзади уже машины были тоже набиты, уже стояли за мной. Гражданские машины, там военных никого не было».

5 Самборская Галина Дмитриевна, 75 лет, житель села Казачья Локня (Курская область)

«Как я была ранена? Мы поехали по нашей улице до перекрестка. Там магазин «Василек» расположен, у магазина стол, две скамеечки, и стоит мужчина ВСУ в камуфляжной форме с автоматом. Одна нога у него была на скамеечке, другая на асфальте.

И вдруг он по первой машине дает очередь. В ней были наши друзья. Он в одном направлении автоматом провел, а потом в противоположном. Друзьям выше в машине попало, нам ниже. Мы тогда только узнали, почему они рванули. У него, оказывается, жену-то убили насмерть. Ей в грудь попали. И она только успела дважды повторить: в меня попали, в меня попали. И все, и умерла. А у нас попали в колесо.

Мы отъехали, муж заменил колесо. Я была вся в крови. Руки все полностью красные стали. У нас, кроме того, что колесо было прострелено, тосол потек. Муж нашел резиновые перчатки, перевязал эту трубочку. Дальше бензин течет, тоже самое, перебитая система. Он перевязал. Мы поехали, машина пройдет метров четыреста, греется.

Приходилось постоянно останавливаться. И вот такими мы небольшими-небольшими кусочками перерезанными добрались до села Большого Солдатского. Там мы нашли медпункт. На наше счастье там оказались наши военные медики. С меня сразу все разрезали, сняли. И оказали первую помощь мне и мужу.

У меня полностью бедро прострелено. А пуля была разрывная... Там очень глубокая рана. Первую операцию сделали здесь по прибытии, вынули осколки. Вторая операция была – убрали некроз ткани. И вот два дня назад мы сделали заключительную операцию. Хотели сделать пересадку ткани, но рана такая, что не позволила. Говорят, там не приживется пересаженная ткань. У супруга прострелено было колено».

6 Васильконова Валентина Евгеньевна, 62 года, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Селидово, ДНР

«Рядом дом по улице, женщина котом кормила. 75 лет тете Лене было, они ее пристрелили.

А Кирилловна, учительница по украинскому была, она бежала, убежала в подъезд, ВСУшник ее догнал и застрелил. 75 лет женщина кормила котом, зачем ты ее застрелил?

Те, что комментарии мне пишут, которые повыехали, говорят: не может быть, что это Украина, Украина не трогала, когда мы жили. Ну, я-то здесь осталась, я-то знаю, что это Украина была».

7

**Остапец Надежда Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Димитрове (ДНР)**

«Минометом у нас соседа убило. Евженко Евгений Владимирович, ему 64 года было. 21 октября 2025 года. Летело оттуда, где они (украинцы) находились. Оттуда летело. И это ж был квадрокоптер именно.

И стена упала там, где мы корову доили. Ой, корову доили, коз доили. Пряма стена упала.

Как я до дверей подбежала? Ну, соседа убило. Сразу было пять. Пять или шесть. Шесть мин. Мгновенно. Это вообще дома... Ужас. Ужас. Это очень страшно.

И минометом убило моего бывшего мужа, Грабин Михаил Иванович, ему 61 год был. В доме, он инвалид. Инсульт у него. И он передвигался очень-очень плохо. Мы ухаживали за ним.

В дом залетел осколок от мины. Я его даже фотографировала на телефон. И умирающего фотографировала. Попало ему в ногу, кровь вышла, перерубила ногу полностью на шкурочке. А помочь никак. Кровь вышла, и рана загноилась. Наверное, заражение.

22 октября его ранило, а 30 октября он умер. 9 дней он мучился. А соседа мгновенно убило. Мы пошли доить корову, и начались прилеты. Именно наш квадрат обстреливался минометом».

8

**Козлов Николай Иванович,
пострадавший от преступлений ВСУ в с. Плехово (Курская область)**

«Ранение мы получили 7 декабря. Мы пошли за водой и подорвались, колодец был заминирован. С нами еще были Королев Владимир Алексеевич и Пронякин Василий Иванович.

Там и подорвались втроём. Василию Ивановичу обе ноги и кости все поперебило. Я на одну ногу не мог наступить. Я на коленях и на руках дополз, больше километра до дома.

А Владимир Алексеевич зашел во двор у другого и услышал выстрел. Он побоялся, минут 7-10 постоял, потом вроде стихло все, зашел, посмотрел, и он убит. Забелин Николай Александрович. 67 лет. Я захожу к нему что-то сказать, а он во дворе лежит убитым. В голову застрелен.

На другой улице убито украинцами было еще двое, и женщина сгорела в доме. Она малоподвижная была, не ходила. Мужа ее застрелили во дворе и подожгли дом. Она 1946 года, а муж ее был 1941 или 1940 года».

9 Сукова Линура Муратова,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Димитрове (ДНР)

«Мы уже переехали, мы опять попросились на другой дом. Он сидел на крылечке, начался обстрел. Я говорю: «Саша, зайди в летнюю кухню». «Да мне, – говорит, – тут безопасно». Он не боялся, почему бы он такой мужчина был. Говорит, я тут буду сидеть. Ну, Саша, ну не сиди, ну обстрел. Ну, какое-то время, минут 10-15 тишины было. И вылетели ворота, и осколок прямо ему в сердце. Украинский обстрел был. 4 сентября он погиб, 5-го мы хоронили его. 4-го он погиб. Решевский Александр Северьянович. Ему 72 года. Дочка в

Днепре осталась. Сын похоронен в огороде. Рядом две могилки».

10 Врадий Людмила Михайловна,
67 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Селиидово, ДНР

В 19 доме (ул. Щорса) многих постреляли украинские военные. Кто им открывал, они расстреливали. Там одна знакомая шла домой на 4-й этаж, и её на 3-м этаже застрелили, поднялись, и ещё там соседку застрелили, Лену. Я фамилии их не знаю. На 3-м застрелили Галю, а на 5-м Лену.

Им было после 60-ти, пенсионерки. Безобидные женщины, хорошие, нормальные, никому вреда не делали. И вот она бежала домой и буквально не добежала один этаж. Люди видели это. Её застрелили украинцы. Которые не открыли им, забаррикадировались, и остались живы. Они видели, что это украинские военные убили».

11 Панова Светлана Геннадьевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из г. Угледара, ДНР

«Украинские власти говорили: «Идите на Вектор для воды». Все, кому нужна была вода, поехали туда.

И тут бабулечки, все пенсионеры и молодежь. Собралось большое количество. И туда ВСУ ударили. Жесть. Людям руки-ноги поотрывало. И голову.

Много пострадавших. И сразу репортеры.

ВСУ видит, что скопление людей и начинают бомбить. Туда стреляют».

12 **Левченко Алла Федоровна,**
75 лет, житель деревни Журавли
(Курская область)

«Мы сидели во времянке, и вдруг осветило всё. Мы попадали на пол.

С пола поднимаемся, Володя весь в крови уже. Четыре раны: осколок один вытянули маленький, а большой не вытянули, правая рука ранена и под сердце.

Котел разбит газовый, газовая плитка полностью стекла, труба пробита, холодильник пробит. Обстрел Украина вела. Приходит сосед Вася. У них окна разбиты, баня вся побита, попростреляно все, собака убитая. Одна женщина

рассказывала, что украинцы едут и стреляют прямо по заборам, везде, где мирные жители. Такие снаряды летели прямо через хаты. Ехали и стреляли».

13 **Шевцов Владимир Васильевич,**
69 лет, житель деревни Журавли
(Курская область)

«Когда украинцы зашли, они спокойно не шли, они стреляли. Сперва шли БТРы и очереди стрекотали. Они били по окнам.

У меня пуля влетела в кухне. Ворота пробиты, отверстия в воротах, крыши пробиты у соседки. Они, наверное, с мирными жителями воевали или запугать хотели.

12 августа около 11 часов дня я стоял, жена и пацан сидели на диване. Выстрел в окошко, окошко пробивает, потом щелчок такой сильный, аж блеснуло что-то. Пулей или

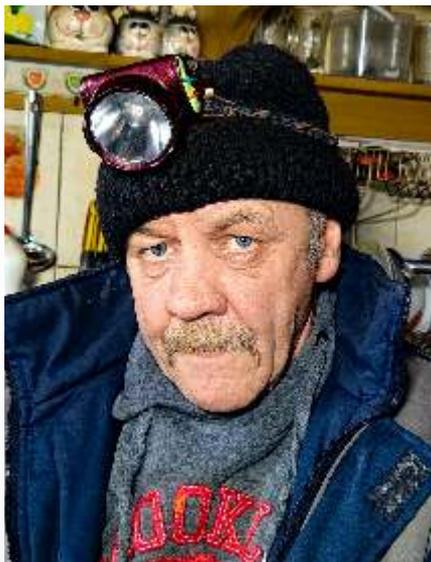
осколком в дверце холодильника вырвало клочок металла. Я получил ранение в плечо, глубокая рана сзади и ниже локтя, вытянули маленький осколок. А в плече, что глубоко сидит, не стали вынимать, чтобы немного развязать мышцы».

14 **Шульгина Оксана Олеговна,**
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Селидово, ДНР

«Женщина в девятиэтажке, ей больше 70 лет, пошла квартиру проведать.

25 или 26 октября 2024-го. И ее просто расстреляли. Нашли ее на диване расстрелянной, мертвой. Ее украинские военные расстреляли».

15 **Мизев Александр Игнатьевич,**
65 лет, свидетель преступлений ВСУ
в г. Селидово, ДНР

«Украинские войска убили моих знакомых – Романенко, убили и спалили их. И когда выходила их диверсионно-разведывательная группа, убили моих соседей.

Соседи – это Запорожец Александр и Валера Ляшенко, мой одноклассник.

Это было 27 октября 2024 года. Застрелили. Мы их похоронили здесь у нас, дома.

Вот могила моего соседа Александра. А там мой одноклассник Ляшенко лежит».

16 **Записной Михаил Николаевич,**
69 лет, пострадавший от преступлений ВСУ
в д. Леонидово (Курская область)

«Червякова Татьяна Алексеевна из Новоивановки с мужем пошла. И их встретил украинский БТР. И прямо по ним начал стрелять. Они там упали. Пострелял БТР, отъехал, видит, что зашевелились. Добавляет по-новому. Она получила ранение ног сильное, прострелы руки. Еле выбрались они оттуда. Им за 70-лет. Потом муж умер ее уже.

ВСУшники украли у меня машину «Ниву», машина 30 тысяч пробег, совсем новая. Пришли, угрожали гранатой, потребовали ключи от машины. Исчезла машина».

17 **Белоусов Александр Сергеевич,**
20 лет, пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке), ДНР

«За нами летел украинский дрон. Мы, когда вышли, бабушка встала на коленях, начала молить, чтобы дрон нас не убил.

Были случаи, когда убивали, ранили. В 2023 году моя бабушка сидела со своей подругой на улице. И где-то был очень слышен выстрел, и резко прилетело. Был выстрел, и буквально через секунду прилетел снаряд. Ранило мою бабушку и соседку.

Моей бабушке 83 года – Горбань Нина Павловна. Их ранило в грудь и в шею. В грудь соседку, бабушку в руку. Соседке

столько же – они ровесницы».

18

Вовк Александр Иванович,
75 лет, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово, ДНР

«Украинские дроны били по пенсионерам. Он зависает, а мы на мангале готовим. Света у нас нет. Воды у нас нет. Жарим, варим. Короче, надо было выживать. Зависает дрон, сбрасывает. В шоке все.

Ну, пенсионеры собрались, и прямо вот сюда вот сбросил, вот три метра отсюда. Висит дрон над нами, и я думаю, мы же пенсионеры, зачем пенсионеров убивать? Они же платили всю жизнь налоги.

Проходит буквально три недели, мы как-то успокоились, и прилетает еще один. Сюда еще один прилет был. Посекло тут всех. Просто чудо, что мы еще живы. Поранило людей осколками украинских дронов.

А миномет они ставили на погребках вот здесь, за этим вот домом. И вот дрон висит и команды дает, и тут мочат по нам.

Зачем пенсионера убивать? Вот до сих пор я не могу понять.

Осколки вы видите на стенах? Вот они, стены, посеченные все. И вы видите, все окна повывлетали из всего этого подъезда.

Сидит с нами пенсионер с инсультом, он не ходит, с одной ногой. Толя пришел покурить тут, сидит, рассказывает новости. Я за мангалом тут готовлю. Я говорю, Толя, иди ко мне сюда, попробуй, подсоллил или не подсоллил этот самый борщ. На улице Чапаева там столько раненых и убитых людей».

19

Шведова Надежда Михайловна,
64 года, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке), ДНР

«Украинцы расстреливали людей по окраинам города нашего. Очень много людей исчезало.

К нам на улицу пришла женщина жить, молодая, 50 лет ей было, медик. И вот она пошла куда-то там до знакомого своего, у него была мама лежащая.

Она туда ушла, а когда уже пришла к этому Серёже, обнаружили, что мать была застреленная в лоб, эта мать убитая была. Сами жители говорили, что украинцы очень много людей порасстреляли.

Медик эта смотрела просто за ней. Женщине этой 85 лет было. И когда пришли к ним в дом, она лежала на пороге, застрелена. Это место, так называемая наша «Забалка».

Мужики, которые пооставались у нас, сказали, что это «Азовцы» пришли к нам. Они говорили, что «Азовцы» много стреляли просто по убегающим. Убивали, и всё».

20

Глуханич Николай Васильевич,
65 лет, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Курахово, ДНР

«19 декабря 2024 я выходил, высыпал мусор и по дороге хотел несколько еще дров в обломках дерева подобрать. И украинцы сбросили на меня дрон возле второго подъезда, где мусор в стороне, вот у нас за этим домом.

Во мне пять осколков. На виске, вот на руке сильно еще след остался, на бедре. Где висок, у меня тоже вот это хорошо видно. Если хотите, я вам вот сниму, покажу, как разорвало плечо. Я в этом ватнике был, в этой телогрейке.

Вот это оно разорвало. Оно так снизу вверх и шло. И вот в этот висок, представляете, два сантиметра от глаза или сколько там.

Порвало капюшон, порвало это, и все оно болезненно было. Еще вот это здесь, в голени, в ноге. В общем, пять осколков. Такие они небольшие. Так стрельнули один раз. Я уже

заскочил в подъезд, и потом второй раз, тот сброс был сильнее. То есть добивали.

А в другой раз перед этим равнял двери, в этом подъезде я живу. И на звук я среагировал. Как дало, ну хорошо тоже сел в подъезд. По руке, это самое, сильнейший, ну дробинкой какой-то. Сильнейший такой, как после удара.

Очень-очень болезненное, такое оно все. Да. Они знали, что гражданские живут, знали, что гражданские, видели, что мы старались здесь возле дома убирать, то есть наблюдали за нами очень хорошо. И били именно. Знали, что гражданские».

21

Богун Алексей Николаевич,
83 года, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Суджа Курской области

«ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке. У одного дедушки приехали прямо, так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем.

Ну, дедушка старенький, что мог к ним ответить? Опять же, прямо из дома, у другого отца забирали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней делали.

Убивали и молодых, и старых – просто так, за то, что появились не в том месте, не в то время. Им было все равно, военные перед ними или гражданские. Они психопаты, я не знаю, или под наркотиками были.

Лично нам угрожали расстрелом. Уже где-то под Новый год. У нас собирались отобрать машину. У нас же гаражи были подписаны. Два гаража наших оставалось. Подписаны «Люди». За отказ отдать машину говорили: «Я тебя сейчас тут

расстреляю. Прямо в глаза». Махали автоматом».

22 Мануйлов Василий Николаевич,
75 лет, пострадавший от преступлений ВСУ
из с. Казачья Локня (Курская область)

«Я ранение получил 8 февраля. После украинского обстрела я пошел проверить дом, в котором я жил.

Подошел, ужаснулся. Фронтон разбит, окна вынесены. Я вышел из дому и пошел к знакомым.

И опять артобстрел. Почувствовал что-то горячее, кровь сильно полилась.

И я быстро пошел до знакомых, чтобы не потерять сознание. Вот так я был ранен».

23 Мелихова Татьяна Михайловна,
62 года, пострадавшая от преступлений ВСУ
из г. Суджа (Курская область)

«В меня тоже снайпер стрелял. Я шла к подруге, я не знала, что она уже уехала. В этот день они стреляли в людей. Я заборами шла, дорогу смотрю, а я к заборам, машина немножко проехала вперед. Украинская машина. Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять. Я услышала стрельбу.

А потом возле меня, возле плеча правого, как прошла эта пуля, возле меня пролетела».

24 Андреевская Наталья Николаевна,
69 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Курахово (ДНР)

«В конце декабря 2024 года мы с соседкой решили посмотреть, жива ли наша подруга, у неё сгорела квартира. И мы пошли посмотреть по светлому дню, и ничего не предвещало беды. Мы шли от 10-го дома, а украинские военные с 7-го дома стреляли. Мы дошли до конца пятого дома и тут началась стрельба с автомата.

Мы без никого, мы шли вдвоем. Подруга моя из первого же дома, как и я, по Южному микрорайону. Они начали по ногам стрелять. Подруга побежала под дом, и там эти осколки начали летать по ней и ногу ей пулей ранило. Как-то мясо ей разрезали, а пуля вылетела. Холодно ж было, и она вот уже плюнула и сначала тоже идти начала. И мы вот тут быстренько, кровь бежит, быстро. Тут у нас медсестра в этом жила, в подвале, мы к ней».

25 **Филипских Александр Владимирович,**
61 год, пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Курахово, ДНР

«Однажды украинский военный открыл огонь, ему начали кричать, что мы мирные, что мы гражданские здесь. И все равно ему. Одна женщина говорит, я, говорит, с подругой шла, под 70 или, может, даже за 70 женщины. И украинский военный, хлоп, моей соседке в руку попал. Мы же ему говорим, что ж ты делаешь? Мы же, говорят, женщины старые, мирные. А он смеется. Или может он обкуренный, или обколотый, кто его знает? А может, как говорится, маньяк, ему нравится убивать. И таких случаев много было».

26 **Бунина Клавдия Дмитриевна,**
80 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке), ДНР

«Я попала под украинский обстрел. Они злые на нас. И они ненавидят нас. Это точно.

Я сидела в кухоньке, и вдруг тебе хлоп, и их снаряд попал прямо в дом. А окошко кухоньки выходило на дом. И вот так вот осколки попали мне, вырвали кусок мяса на руке и побили мне грудь осколками.

Украинцы нас ненавидят потому, что они же считают нас сепаратистами. Я, когда приезжаю водички набрать с колясочкой, и ВСУ, только если они там приезжают за водой, то сразу у людей спрашивают, почему вы не уехали?».

27 **Игнатов Петр Яковлевич,**
72 года, пострадавший от преступлений ВСУ
из с. Алексеевка (Курская область)

«Украинский дрон пролетел в одну сторону, разворачивается – в другую. Я говорю, вот я его вижу, вот он. Он приземлится и – бух – в нас. Восемь человек, двоих ранило. Кроме меня, еще бабушку ранило. Восемьдесят с чем-то лет бабушке.

Когда украинцы обстреливали село, человека убило насмерть. Лысаченко Михаил. Уже на пенсии он был, конечно. 1958 года. Как прилетело, придавило его стенами. Российских войск там не было. Потом дронами дома спалили. Какая им разница, гражданские или военные».